

ШЕДЕВР

Историческая лента «Андрей Рублев» возвращает нам прошлое. Не учебник истории перед нами. И не музей с экспонатами XV века — на экране воссоздана реальность эпохи. Конечно, эта реальность условна: она воссоздана воображением человека XX столетия. Не условны на экране рублевские фрески и знаменитая икона «Троица», они документальны, на них века оставили паутину трещин. Рублев открывает нам новое понимание слов «муки творчества». Прекрасное возникает от равнодушия к страданиям народа.

В финале после симфонии фресок на экране вдруг дождь и спутанные лошади на лугу. Эти лошади пришли из «Иванова детства», предыдущей картины Тарковского. В произведениях о разных эпохах молодой художник остается самим собой, он пробивает свое русло в искусстве.

Есть вещи в картине пронзительные. Улыбка на лице жестокого ордынского князя Скомоух. Дурочка, эта простонародная Офелия, которая не ушла в монастырь, а ушла из монастыря. Полет мужика на шаре, обшитом шкурами. Рождение колокола. Во всем клопочут человеческие страсти, их видит Рублев, они остывают в его иконах.

«Андрей Рублев» имеет в нашем кино прошлое, в нем живет объективность эпоса Эйзенштейна и пронзительный лиризм Довженко.

Нужно ли говорить о недостатках фильма? Конечно, нужно. В его философском течении есть мели, мы проходим их с потерями. Но сначала отдадим себе отчет в его достоинствах, чтобы не повторилось то, что когда-то произошло с довженковской «Землей». Фильм был встречен фельетоном, после чего из него вырезали так называемые натуралистические сцены. Потом, когда сцены вставили обратно, фильм оказался шедевром.

1967 г.